

RESÜME

DEUTSCHE AUFKLÄRLICHE SLAVISTIK ALS FAKTOR DES NATIONAL-KULTURELLEN WIEDERGEBURTS DER SLAVISCHEN VÖLKER

Hanus S. (Uzgorod)

Autor betrachtet die Entstehungsbedingungen der Slavistik in Deutschland und Österreich in der Zeit der Aufklärung, einzelne Tatsachen ihrer Entwicklung, Vorschungstätigkeit einiger Vertreter dieses Zweiges wissenschaftlichen Kenntnisses, bietet die Bewertung ihrer Arbeiten vom Standpunkt der modernen Wissenschaft. Hauptziel der Publikation ist zu zeigen, in welchem Grad die deutsche aufklärliche Slavistik den weiteren Vortschritt der wissenschaftlichen Entwicklungen nicht nur auf diesen Gebiet beeinflusste, sondern auch die Prozesse des national-kulturellen Wiedergeburt der slavischen Völker des Mittel- und Süd-Ost Europas Einfluss hatte.

О.М.БОДЯНСКИЙ В КРУГУ ИДЕЙ Я.КОЛЛАРА

ДОСТАЛЬ М.Ю. (Москва)

Тема «О.М.Бодянский и Я.Коллар» не была еще предметом специального рассмотрения. Однако многие фактические данные по ней уже были выявлены и приводились в рамках исследований русско-словацких и русско-чешских научных и культурных связей в работах Г.Турцеровой, В.А.Францева, Я.Станислава, А.А.Зайцевой, Л.П.Лаптевой, С.В.Смирнова, Л.С.Кишкина, Г.В.Рокиной¹ и др. Тем не менее проблема идейного влияния выдающегося словацкого поэта и деятеля славянского национального возрождения Яна Коллара (1793-1852) на одного из зачинателей университетского славяноведения в России О.М.Бодянского (1808-1877) в указанных исследованиях почти не затрагивалась.

А между тем эта, казалось бы, частная, проблема наводит на интересные размышления по поводу типологии проявлений национального самосознания у представителей разных идеологических направлений и разных поколений русской и словацкой — шире восточно- и центрально-европейской интеллигенции в первой половине XIX в.

Ян Коллар был на 15 лет старше начинающего, но уже 30-летнего, российского слависта О.М.Бодянского и к моменту их знакомства имел широкую известность в славянском мире и за его пределами как поэт, протестантский проповедник и идеолог славянской взаимности. Естественно, что рассматривая их отношения, можно говорить преимущественно об идейном влиянии первого на последнего преимущественно в 40 — начале 50-х годов, в виду того, что впоследствии, став известным профессором славистики Московского университета, О.М.Бодянский почти не занимался идеологическими вопросами и фольклористикой, а его специальные историко-филологические изыскания вряд

ли когда-либо попадали в центр внимания Я.Коллара, занимавшегося вопросами славянской археологии. В то же время нельзя говорить о безусловном принятии Бодянским всех постулатов идеолога славянской взаимности. Мы видим свою задачу в том, чтобы попытаться объяснить, какие идеи словацкого поэта и почему были восприняты российским славистом, что было проигнорировано им или отвергнуто как несостоятельное.

В формировании мировоззрения Я.Коллара и О.М.Бодянского, несмотря на разделяющие их годы и расстояния, можно найти некоторые аналогии. Оба творили в период славянского национального возрождения, которое имело свои особенности и по разному понималось в подвластной Габсбургам и Венгрии Словакии и независимой России, но было одинаково воодушевлено идеями национального романтизма, основные постулаты которого были сформулированы в классических трудах немецких философов-идеалистов: Гердера, Гегеля, Шеллинга и др. Общераспространенной на Востоке и Западе Европы стала тогда идея о поступательном развитии человеческого общества по пути прогресса путем передачи эстафеты цивилизационных ценностей, накопленных одним «избранным» Провидением народом другому по мере его «старения» и «дряхления» другому — более «молодому». В отличие от немецких философов, объявивших Германию «венцом творения», славянские идеологи вещали о великом будущем и великом предназначении славянского «племени». Коллар выступил одним из первых пропагандистов этой идеи, почти повсеместно воспринятой в славянском мире, (а в России — в кругу русской интеллигенции, причем как будущими славянофилами, так и западниками).

Не следует также забывать об украинском

происхождении О.М.Бодянского. Именно поэтому ему, может быть, в большей степени, чем великороссу, могли быть ближе и понятнее идеи борьбы за национальную самобытность малых славянских народов, их мечты о всеславянском духовном союзе, интенсивно развиваемые в поэтическом творчестве Я.Коллара.

Первое знакомство, если не с трудами, то с именем Я.Коллара, у О.М.Бодянского, несомненно, произошло еще в стенах Московского университета, в котором он обучался в 1831-1834 гг., вероятно, не без участия его учителя, профессора М.Т.Каченовского, первым занявшим там кафедру славистики в 1835-1842 гг.², а также, несомненно, благодаря публикациям в русских журналах³. Затем, когда Бодянский был назначен кандидатом на замещение кафедры «истории и литературы славянских наречий», учрежденной по новому университетскому уставу 1835 г., М.Т.Каченовский предложил ему в качестве темы магистерской диссертации рассуждение «О народной поэзии славянских племен». Серьезно взявшись за исследование совершенно нового не только для себя, но и для всей отечественной науки предмета, Бодянский детально изучил только вышедший в свет двухтомный сборник Я.Коллара «*Národné zpievanky čili Písň svetské Slováků v Uhrách*» (Budín, 1834-1835. I-II) и написал обширную рецензию-рассуждение, изложив здесь основные постулаты своей будущей диссертации. В этой незаконченной работе ученый показал хорошее знание биографии и основных произведений Яна Коллара, впервые на русском языке изложил позицию «патриарха славистики» Й.Добровского (1753-1829) по поводу самостоятельности словацкого языка, показав его отличительные особенности, а также – мнение видного западнославянского слависта П.Й.Шафарика (1795-1861) о древней истории словаков. Но главное – это рассуждение показывает близость многих тогдашних воззрений Коллара и Бодянского и несомненное влияние первого на последнего. Прежде всего речь идет о романтическом (новом тогда) понимании значения фольклора в обосновании национальной самобытности словацкого и других славянских народов.

О.М.Бодянский писал, что песни для словаков – «это их дневник, их история, хранилище всякого ведения, их теогония, космогония, память, тризна по своим отцам и дорогих сердцу, надгробный памятник, священной старины, живая говорящая летопись времен давно прошедших.<...> Это исповедь души<...> Это чистейшее выражение славянской народности, нравов, обычаев, занятий, причуд и т.д., в них, наконец, язык народный хранится во всей своей чистоте, исповедальной свежести, силе, прелести и богатстве»⁴. Последнее замечание особенно важно, так как показывает, что

Бодянский, при всем своем тяготении к будущим славянофилам, в отличие от них, придавал именно национальному языку исключительно важное значение в своем общем понятии о народности.

Вообще, необходимо отметить, что в этом рассуждении Бодянский, вопреки хорошо усвоенным урокам «скептической школы» М.Т.Каченовского, предстает последовательным романтиком в отношении к фольклору, рассматривая его как важный, хотя и не совсем достоверный, исторический источник. В этом нельзя также не признать влияния Коллара на Бодянского. Более того, начинающий российский славист попытался даже, на основании исторических песен из сборников Коллара, представить дальнейшую историю словаков после их завоевания мадьярами, однако без основательной критики источников.

Полагая вслед за Колларом, что народные песни представляют лицо народа и его национальный характер, Бодянский провел сравнительный анализ песен русских, украинцев, поляков, чехов, сербов и словаков, определив характер народной поэзии русских как повествовательно-описательный, украинцев – как драматический, сербов – как героический, чехов – как лирический, словаков – как идиллический. Для песен поляков у Бодянского определения не нашлось.

При этом российский ученый, не без влияния Коллара, сделал заключения о характере народной песни отдельных славянских народов на основе анализа общих условий их жизни. Так, общественную организацию словаков ученый характеризует как аграрно-патриархальную: «Они народ, можно сказать, в Европе самый близкий к первобытной патриархальной жизни, народ, по преимуществу, сам в себе живущий, миролюбивый, тихий, невинный, довольный малым, ему не нужды ни до каких потрясений и переворотов<...> Он всем сердцем предан своему быту, всем занимается, есть самый миролюбивый народ». Отсюда следует вывод: характер их песен «из жизни сельской, земледельческой, следственно, идиллический»⁵.

Как мы уже говорили, основные положения этого рассуждения Бодянского были повторены в успешно защищенной и изданной отдельной брошюрой в 1837 г. магистерской диссертации «О народной поэзии славянских племен». Можно согласиться с оценкой Н.А.Кондрашова: «Если ныне эта работа имеет лишь историческую ценность, то для своего времени она обладала научным и даже общественным значением, примыкая по идейным устремлениям к передовым взглядам тогдашнего литературоведения. Это был живой, исполненный воодушевления манифест о славянском народном характере, раскрывающемся в его поэзии. Бодянский собрал множество свидетельств о любви славянских народов к поэзии. Он решительно отстаивает

передовой принцип литературоведения о единстве поэзии и народности»⁶.

В 1837 г. О.М.Бодянский был направлен Московским университетом и Министерством народного просвещения в славянские земли для подготовки к занятию кафедры славистики. В обширной программе будущего путешествия, озаглавленной «Записка о путешествии по заграничным славянским землям», в которой планировалось посещение всех славянских земель, а также Германии, Вены и Рима, Бодянский не забыл упомянуть и о Колларе: «Из Вены оправиться в Пест и Буду (Офен), где Коллар, отличный знаток словацкого языка, может служить своими наставлениями в нем и для путешествия по Венгрии, особенно по Словации»⁷.

Ввиду продолжительной болезни, в результате которой ученый на всю жизнь остался калекой, Бодянский смог выполнить только часть своей обширной программы, однако, не сократив ее в отношении Коллара. Их личная встреча состоялась осенью 1838 г. в Пеште, куда Бодянский приехал из Братиславы (Пресбурга) и остался там на зиму, постоянно встречаясь с Колларом и сербскими патриотами. В донесении попечителю Московского учебного округа из Пешта 1(13) февраля 1839 г. Бодянский сообщил, что здесь он «вошел в сношения с Иоанном Колларом, знаменитым чешско-словенским поэтом, сочинителем «Дочери Славы», автором многих других творений, печатающим теперь сочинение «Богиня Славы», в котором славянские писатели найдут глубоко-ученое и основательное сравнение баснословия своих предков с баснословием индийцев»⁸.

Сведения о личных контактах Коллара с Бодянским, к сожалению, скудны, но с ними связан примечательный эпизод в биографии поэта, наглядно показывающий, что российский ученый с пониманием и сочувствием относился к его национально-просветительской деятельности среди словацких протестантов в Пеште, его борьбе против мадьяризации (недаром поэт подарил ему весной 1839 г. свою брошюру «Как мы можем и должны расширить нашу евангелическую словацкую церковь?») и был готов прийти к нему на помощь не на словах, а на деле. Из письма М.П.Погодину из Пешта от 1(13) марта 1839 г. известно, что Коллар получал от венгерских националистов анонимные письма с угрозами покушения на свою жизнь, если он «не перестанет заниматься славянщиной» и «отстаивать славянскую народность»⁹. Желая помочь Коллару, Бодянский стал хлопотать через Погодина о переезде словацкого поэта в Москву и «прискании ему» достойного места службы, хотя бы и на кафедре славистики в Московском университете (разумеется, не вместо, а совместно с собой): «Куда как не худо, иметь у себя такую светлую и ученую славянскую головушку! Как бы

святая Русь тем выиграла!»¹⁰

Хлопоты друзей Коллара в Москве оказались успешными, Погодин даже начал сбор средств ему на дорогу в Россию, но из следующего письма Бодянского Погодину из Пешта от 29 апреля (11 мая) 1839 г. следует, что Коллар отказался от своего намерения ехать в Россию. М.П.Погодину он в личном письме от 8 мая 1839 г. он сообщил, что боится, что в его отсутствие «разрушат все, что было собрано и сохранено за столь долгие годы и со столь великими страданиями, а именно: славянскую школу и общину»¹¹. Впоследствии Погодин вспоминал об этом эпизоде в некрологе о Колларе, опубликованном в «Москвитянине»¹².

К сожалению, сохранившиеся источники не дают возможности восстановить характер бесед Бодянского с Колларом, определить совпадение их мнений и разногласия. По предположению Г.В.Рокиной, именно к этому периоду относятся стихотворения О.М.Бодянского о славянах, обнаруженные в свое время В.А.Францевым в архиве В.Ганки. В них явно чувствуются реминисценции поэмы Коллара «Дочь Славы»: это идея духовного (с некоторым политическим оттенком: «Зачем не один и Царь») объединения славян, необходимости их всеческого сближения и устранения взаимных споров в борьбе за свою свободу, идея могущества России и ее возможной помощи в освобождении славян. В стихотворении «Русский к братьям своим соплеменникам» Бодянский, в частности писал:

<...>Привет вам русского народа,
Его Царя, его бояр;
Ведь одного вы с нами рода?
Зачем же не один и Царь?

<...>Пора, пора и вам, славяне,
О воле вольной речь начать;
Вам путь укажут россияне,
И где, и как ее сыскать.

Досель искали мы свободы
Своей земле, себе самим,
А нынче наступили годы
И братьям поискать своим.

Но не забудьте, братцы милы,
Согласье – вольности отец;
Соедините ваши силы –
И рабству чуждому конец!

Пока лелейте вы родное,
Любите звучный свой язык:
В нем наше счастье земное,
Им истинно народ велик<...>¹³

Это стихотворение свидетельствует об общих умонастроениях Коллара и Бодянского в отношении идеи славянской взаимности и несомненном влиянии поэзии Коллара на российского слависта.

Что касается идеи Коллара о делении «славянского народа» на 4 племени и единых «чехо-словенском наречии» и литературе, поборником которой он оставался до конца жизни и которая была четко выражена в его трактате «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1836), то вся последующая деятельность Бодянского свидетельствует о неприятии им этого постулата Коллара. Напротив, он встречался с Л.Штуром в пору подготовки им кодификации словацкого литературного языка и написал сочувственное послание штуровцам. Все это послужило позднее основанием для обвинения Бодянского и его коллеги И.И.Срезневского со стороны чешской публицистики в подстрекательстве словаков к отторжению от чешской литературы и сепаратизму¹⁴.

В своих лекционных курсах Бодянский всегда рассматривал словацкий язык и литературу отдельно от чешской. В письме к отцу (1843) он, в частности, писал: «Тогда же Вы услышите от меня отчетливый рассказ о тех 12 славянских живых языках и двух мертвых, об усвоении которых много писали наши журналы по поводу моего приезда. Теперь же назову их по имени: 1) велико, 2) мало, 3) белорусский, 4) церковнославянский, 5) новобулгарский, 6) сербский, 7) хорватский, 8) хорутано-словенский, 9) утро-словенский, 10) чешский, 11) польский, 12) серболужицкий верхний, 13) серболужицкий нижний, 14) древанский»¹⁵. В письме Л.Штуру (май 1845 г.) Бодянский писал, что собирается своим студентам «читать чешскую словесность, насколько возможно будет, больше по самим памятникам, кроме того, историю чешского народа и далее – ваш словенский язык. Весьма сожалею, что издание словенских песен Коллара не находится в продаже. Не остается ничего иного, как знакомить молодежь с вашим языком по Голлому, а это – против моего метода чтения»¹⁶. Таким образом, словацкий язык Бодянский предполагал преподавать по сборнику песен, составленному противником его полной самостоятельности. Впрочем, этот парадокс закономерен, так как лексика песен (в основном среднесловацкие говоры) была использована штуровцами при кодификации словацкого литературного языка¹⁷.

В чем же причины несогласия Бодянского с позицией Коллара по вопросу о самостоятельности словацкого языка и, наоборот, почему он сочувствовал колларовской идее славянской взаимности? Думается, это можно объяснить тем, что Бодянский принадлежал и солидаризировался уже с другим поколением славянской интеллигенции, которому на следующем этапе развития славянского национального Возрождения уже не надо было для обоснования национальной самобытности своего народа объединять его с более сильным, традиционно культурно-близким соседом. Достаточно было

констатации необходимости общего и неопределенного общеславянского духовного союза при настойчивом подчеркивании своей национальной личности (позиция штуровцев). К тому же Бодянскому, как и другим россиянам, гражданам мощного тогда «славянского» государства с давними традициями национальной государственности и стойким сознанием своей национальной индивидуальности было совершенно чуждо такое промежуточное соединение славянских народов в языке и литературе, которое предлагал Коллар. Не случайно, что за самостоятельность словаков ратовали начинающие тогда российские слависты, а также М.П.Погодин и будущие славянофилы¹⁸.

Напротив, сочувствие идеям духовного единения славян у представителей патриотически настроенной российской интеллигенции предопределялось поисками национально-самобытного, традиционалистского пути дальнейшего развития России (М.П.Погодин, будущие славянофилы) в противовес сторонникам идеи ее дальнейшей европеизации (будущие западники). Отсюда искреннее желание помочь своим «единоплеменным» и особенно «единоверным» братьям-славянам, носившее тогда в целом политически-бескорыстный характер. Бодянский, естественно, относил себя к первому направлению русской общественной мысли, но в отличие от славянофилов конфессиональные моменты в определении «народности» не имели для него решающего значения (более всего язык и в ранних работах фольклор). Все это он ясно выразил в своей вступительной лекции в Московском университете, которая, как нам удалось установить, была прочитана 24 сентября 1842 г. По общему настроению она была в чем-то близка трактату Я.Коллара о славянской взаимности, хотя и не содержала никаких ссылок на словацкого поэта. Это и преимущественно «языковое» понимание славянской народности¹⁹, и вера в великое будущее предназначение славянского «племени», которому, по мнению Бодянского, пришла пора сменить романо-германское «племя» на поприще общечеловеческой цивилизации. Однако, принимая тезис Коллара о содержании исторической миссии славян: «Славянам суждено примирить мир древний с миром новым, воспринять народную жизнь свою две разрозненные стихии образованности (греческую и романо-германскую. – М.Д.), и дальнейшим их развитием во благо человечества основать новую эпоху»²⁰, Бодянский конкретизировал его далее, не считая «славянскую эру» вершиной развития человеческой цивилизации: «Немецкие и романские народы получили в наследство римскую образованность, римляне взяли ее от греков, заимствовавших оную из Азии. *Теперь наступает преемственность нам, четвертому европейскому племени* (Подчеркнуто О.М.Бодянским – М.Д.), и вот

мы<...> являемся на их место, готовимся прежде всего овладеть совершенным уже, изучить и пойти вперед в свою очередь следующим за нами, перенести просвещение снова с сториною лихвою туда, откуда оно вышло, в лоно его рождения, эту некогда столь образованную светлую Азию, а ныне погруженную в такой густой мрак невежества»²¹. В такой позиции есть нечто общее со взглядами Ф.Клацеля и Л.Штура²².

Вся дальнейшая славистическая деятельность Бодянского внешне не была связана с Колларом: его имя не упоминалось в печатных работах московского слависта. Зато в университетском преподавании О.М.Бодянский постоянно обращался к творчеству словацкого поэта. В «Конспекте по кафедре истории и литературы славянских наречий при Московском университете» – программе преподавания предмета славистики, составленной им по указанию министра народного просвещения в 1848 г., сочинения Коллара занимали почетное место²³.

Не случайно поэтому сочинения Коллара рекомендовались Бодянским для разбора в студенческих работах. Так, в 1844 г. будущий известный российский поэт А.Фет написал студенческую работу «Объяснение имени славянин по Шафарыку и Коллару и собственное мое мнение по этому предмету»²⁴. В отчете Бодянского Ученому совету Московского университета за 1850/1851 академический год указывалось: «Каждый студент, по распоряжению профессора, занимался на дому изучением данного ему чешского писателя и к концу года представил отчет о нем в особом сочинении, либо же перевод мест, наиболее обративших внимание читавшего. Из них отличаются в особенности: студента 3-го года Александра Гильфердинга критическая оценка лиро-эпического стихотворения Я.Коллара «Славы дщера»<...>, а из переводов 2-го года Николая Катранова из «Путешествия Я.Коллара по Верхней Италии (Cestopis do Hornn Itálie) – пребывание в Венеции»²⁵.

Учитывая, что лекции Бодянского по славистике, проникнутые колларовской идеей славянской взаимности, в 40-60-е годы слушали многие выходцы из Болгарии (Г.Бусилин, Н.Михайловский, С.Палаузов, Н.Катранов, С.Филаретов, Л.Каравелов, Р.Жинжифов, М.Дринов и др.), многие из

которых впоследствии сыграли видную роль в болгарском национальном Возрождении, можно предположить, что идеи Коллара опосредственно одухотворяли и болгарское национальное движение²⁶.

Следует отметить, что именно Бодянский из всех первых преподавателей славяноведения в России, пожалуй, наиболее методично и последовательно реализовывал пункт за пунктом с помощью советов и рекомендаций пользующегося непрекращаемым авторитетом в славистике П.И.Шафарыка программу колларовской славянской взаимности²⁷, которой тот сам искренне сочувствовал и деятельно претворял в жизнь.

Во-первых, российский славист активно участвовал в организации кафедры славистики в Московском университете; во-вторых, собрал в славянских землях и продал затем университету уникальную славистическую библиотеку, насчитывающую тогда до 3000 томов²⁸; в-третьих, предпринял издание отчасти славистического журнала «Чтения в Обществе истории и древностей российских», редактируя его в 1845-1848 и 1857-1877 гг.²⁹; в-четвертых, активно участвовал в славянском книгообмене³⁰; в-пятых, по мере сил участвовал в «изыскании и издании народных песен, пословиц и поговорок». По понятным причинам, Бодянский не принимал те пункты программы Коллара, которые касались создания единого славянского литературного языка и правописания.

На склоне лет идеи Коллара о славянской взаимности вновь явственно прозвучали в подготовленной (но не прочитанной по болезни) речи Бодянского по случаю приезда славянских гостей в Москву на Славянский съезд 1867 г. (Обед в Московском университете состоялся 19 мая). В ней содержался страстный призыв к славянам прекратить все взаимные распри, которые являлись «единственной причиной недолговечности славянских царств» и, опираясь на бескорыстную помощь России, бороться за свое национальное Возрождение, расширять и укреплять единый всеславянский духовный союз. Речь заканчивалась знаменательными словами и цитатой из «Дочери Славы» Я.Коллара: «Я поднимаю чашу за добрую красную братскую жизнь славян вкупе, где «vše tu v jedno vládu». В этом наше счастье!»³¹.

ЛІТЕРАТУРА

1. Turcerová H. Styky slavianofilov so Slovákmi a ich vplyv na odtrhnutie sa Slovákov od Čechov// Prúdy.- IV.- 1913; Francev V. Štúrovo "schisma" a jeho ohlasy// Časopis pro moderní filologii a literaturu.- 1914.- № 2-3; Станислав Я. К вопросу о взаимоотношениях между Московским университетом и словаками: М.П.Погодин и О.М.Бодянский и словаки// Пажский университет Московскому университету. Сборник в честь юбилея. 1755-1955.- Прага, 1955; Зайцева А.А. Ян Коллар и русско-чешские литературные связи XIX века// Литература славянских народов.- М., 1963.- Вып. 8; Лантева Л.П. Ян Коллар в русской дореволюционной литературе// Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах.- М., 1970; Смирнов С.В. Первые русские слависты в Чехии// Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 310. Труды по русской и славянской филологии. XXII. Серия лингвистическая. Из истории русского языкознания.- Тарту, 1973; Рокина Г.В. Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российской обществе первой половины XIX в.- Йошкар-Ола, 1998 и др.

2. Dostal'ová M. Z dejín rusko-slovenských vedeckých vzťahov v prvej polovici 19. storočia/ Historický časopis.- 1988.- № 2.- S. 248-262.
3. Кишкин Л.С. Русская периодика о Яне Колларе (первая половина XIX века)// Ян Коллар – поэт, патриот, гуманист. К 200-летию со дня рождения.- М., 1993.- С. 111-124.
4. Бодянский О.М. Критика. Народные спеванки или светские песни словаков в Венгрии, как простого народа, так и высшего сословия, собранные, в порядок приведенные, объясненные и выданные Яном Колларом. Часть 1 и 2. Буда, 1834 и 1835// Московский наблюдатель.- М.- 1835.- Ч. IV. Кн. 13-16.- С. 413.
5. Там же.- С. 603.
6. Кондрашов Н.А. Осип Максимович Бодянский.- М., 1956.- С. 18.
7. Цит. по: Смирнов С.В. Первые русские слависты в Чехии...- С. 75.
8. Донесение магистра Бодянского к г. попечителю Московского учебного округа, из Пештга, от 1(13) февраля 1839// Журнал министерства народного просвещения (далее ЖМНП).- СПб.- 1839.- Ч. 23.- № 7-9.- С. 28.
9. Из писем М.П.Погодину от Бодянского И.// Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете (далее ЧОИДР).- М., 1879.- Вып. 1.- С. 96.
10. Там же.- С. 98-99.
11. Рокина Г.А. Ян Коллар и русское славяноведение первой половины XIX в.// Общественные движения и партийно-политическая борьба в странах Европы и Америки в новое и новейшее время.- М.: МГУ, 1986.- С. 160.
12. Заграничные современные известия (Некролог Я.Коллара)// Москвитин.- М., 1852.- № 4.- С. 102.
13. Францев В.А. Стихотворные опыты первых славяноведов.- Варшава, 1901.- С. 3.
14. Станислав Я. К вопросу о взаимоотношениях...- С.58-59; Matula V. Štúrovci a Rusko (Z dejín slovensko-ruských vzťahov v 30. – 40.rokov 19.storočia)// Historické štúdie. XXIII.- Bratislava, 1979.- S. 67-69.
15. Письма О.М.Бодянского к отцу.- М., 1893.- С. 59.
16. Цит. по: Кондрашов Н.А. О.М.Бодянский...- С. 30.
17. Лифанов К.В. «Национальные песни» Я.Коллара как источник изучения среднесловацкого фольклорно-поэтического койне// Советское славяноведение.- М.- 1990.- № 5; Смирнов Л.Н. Ян Коллар и формирование словацкого литературного языка// Ян Коллар – поэт, патриот, гуманист...- С. 25-41.
18. Досталь М.Ю. Ян Коллар и ранние славянофилы (40-е – 50-е гг. XIX в.)// Ян Коллар – поэт, гуманист, патриот...- С. 102-103.
19. Досталь М.Ю. Первая лекция О.М.Бодянского в Московском университете (24 сентября 1842 г.)// Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы.- М., 1986.- С. 284-285. О.М.Бодянский, в частности, писал: «Язык есть самое искреннее нелицетворное отражение народа со всем его наличным имуществом, или, лучше, – это сам народ, олицетворенный в слове. Каков язык – таков и народ, и наоборот<...>» (С. 284)
20. Коллар Я. О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // Отечественные записки.- СПб.- 1840.- Т. 8.- № 2.- С. 66.
21. Досталь М.Ю. Первая лекция О.М.Бодянского...- С. 290.
22. Там же.- С. 302.
23. В «Конспекте» был специальный отдел «IV. История литературы словаков», где, в частности, было указано: «Отношение словаков к чехам и их языков между собою; влияние чешской литературы на словаков. Писатели по столетиям из словаков, употреблявших чешских язык: <...> 18 и 19-е Бел, Бернолак, Палкович, Рибай, Лешка<...>, Голый, Таблиц, Чаплович, Габуляк, Фейерпатаки, Ян Коллар (выделено нами. – М.Д.) и др. Собственно же литература на словацком языке начала появляться только в конце прошлого столетия; виновником его был Бернолак и преимущественно католическое духовенство, что однако шло очень медленно; в 1843-м году снова явились двигатели ее, большей частью уже молодые писатели евангелического исповедания: Люд.Штур, Годжа, Гурбан и др.» См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. Собрание Титова. № 4122. Л. 230б.
24. Подробнее см.: Рокина Г.В. Идея славянской взаимности в России// Ян Коллар – поэт, патриот, гуманист...- С. 92.
25. Минкова Л. Осип Максимович Бодянский и Болгарского възраждане.- София, 1978.- С. 141.
26. Один из учеников Бодянского, болгарин С.Филаретов, учительствуя в Болгарии, писал своему профессору: «Конечно, я несколько не унываю и не отчаиваюсь, тем более, что хоть трудненько, но все же шаг за шагом начало успеха и просвещения делает свои замечания в пользу народности и самостоятельного развития у нас. Скажу Вам откровенно, что я утешаюсь, что мне удалось порасшевелить своих соотечественников в этой стране и побудить в них чувство народности и любовь к образованию. Это я говорю о старших гражданах: о молодом же поколении скажу, что они все до одного оказывают мне чисто братскую любовь и тщательно исполняют мои наставления». (Цит. по: Минкова Л. Осип Максимович Бодянский... С. 148).
27. Коллар Я. О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими// Отечественные записки.- СПб.- 1840.- Т. 8.- № 2.- С. 92. Изложенная Я.Колларом программа славянской взаимности, в частности, включала в себя: 1) организацию книжных лавок во всех славянских столицах; 2) обмен книгами, газетами и журналами между славянскими писателями и учеными; 3) учреждение кафедр «славянских наречий» в средних и высших школах; 4) издание общеславянского литературного журнала «на всех наречиях»; 5) организацию публичных и частных библиотек; 6) «изыскание и издание народных песен, пословиц и поговорок»; 7) «постепенное присвоение чужих слов и оборотов, на которых лежит печать одной народности, принятие оборотов чисто славянских и, вследствие этого, условное приближение к идеалу языка всеславянского»; 8) «однообразное, философское, на духе славянского языка основанное правописание, в употреблении которого согласились бы все славяне» (С. 92).
28. Пашаева Н.М. Славянская библиотека О.М.Бодянского// Советское славяноведение.- М.- 1982.- № 1.- С. 95.

29. Ишутин В. Общеславянская проблематика, история и культура южных славян в изданиях ОИДР за 1815-1848 г.// Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы.- М., 1986.- С. 6-22; Минкова Л. Осип Максимович Бодянский...- С. 82-95.
30. Алексашикина Л.Н. О.М.Бодянский и его роль в развитии русско-чешских связей (40-е – 70-е гг. XIX в.): Автореф. канд. дис.- М., 1973.- С. 18-19.
31. Бодянский О.М. Речь к славянам в Москве// ЧОИДР.- М., 1867.- Кн.2.- С. 165.

СЛОВ'ЯНСЬКИЙ ЛІТЕРАТУРНИЙ МОДЕРНІЗМ КІНЦЯ XIX – ПОЧАТКУ XX ст. У ЗАГАЛЬНОЄВРОПЕЙСЬКОМУ КОНТЕКСТІ: СПРОБА ТИПОЛОГІЗАЦІЇ

ЮСИП-ЯКИМОВИЧ Ю. (Ужгород)

Літературний модернізм взагалі належить до ширших філософських дискусій про смисл і форми нового європейського типу естетичної свідомості.

Як відомо, на зламі XIX-XX ст. у Європі відбувся філософський, світоглядний перелом, пов'язаний із кризою раціоналізму. Як зазначає Ю.Хабермас, «модерними», «новими» усвідомлювали себе і в часи Карла Великого, і в XII ст., і в епоху Просвітництва, – а значить завжди, коли в Європі формувалось усвідомлення нової епохи...» [31, 40].

Переломні зрушення в тогочасній європейській свідомості зумовлювалися подоланнями обмежувальних концепцій раціоналізму.

У праці «Криза європейських наук і трансцендентальна феноменологія» Едмунд Гуссерль стверджував, що новітні відкриття природничих наук (модерної фізики та ін.) підірвали філософський розум. Відбувся переверот у науковому пізнанні, образ світу змінився, втратив об'єктивність. Класична логіка зазнала краху.

У зв'язку з новими відкриттями криза природничих наук викликала загальну кризу філософії, яка в свою чергу породила кризу мистецтва [2, 2]. Криза позитивістських ідей сприяла розвитку суб'єктивізму.

Феноменологічна система Е.Гуссерля в європейській філософії стала спробою подолання раціоналістичного відчуження.

Е.Гуссерль розглядає феномени як елементи досвіду, як кінцеву реальність, що дана людині у відчуттях. Реальний світ трактується як багатство елементів досвіду, первинних чуттєвих вражень про світ. Поза чуттєвим досвідом, упорядкованим інтенційно спрямованою свідомістю, поза потоком свідомості нічого не доступне для пізнання. Свідомість, яка сприймає, завжди індивідуальна.

У мистецтві розвивається суб'єктивізм. У художній літературі був зроблений крок до того, щоб зафіксувати складність і рухомість внутрішнього світу людини, що виразилось у поглибленому психологізмі. Адекватними формами осягнення дійсності оголошувалась музика, поезія, естетична інтуїція, пріоритетне значення надавалось самоцінній творчій особистості.

На такій базі формувалися основи естетики модернізму, закладені у Франції Ш. Бодлером. «Установка естетического модерна приобретает отчетливые очертания начиная с Ш.Бодлера в том числе с его теории искусств, испытавшей влияние Эдгара По» [31 41].

Основи естетики модернізму були продовжені послідовниками Ш.Бодлера – А.Рембо, П.Верленом, С. Малларме, Ж.Мореасом, А. де Реньє, В.Гріффеном, Ф.Греггом, Лотреманом та ін.

Модернізм переступив межі Франції, розлився по Європі, викристалізувався у літературно-художніх осередках інших країн.

Основи естетики модернізму найшвидше знайшли своїх прихильників у франкомовній літературі Бельгії. Зокрема, у Лювенському університеті в 1886р. був заснований літературний гурток, куди входили поети-символісти

Е.Верхарн, Ж.Роденбах, М.Метерлінк, які почали видавати часопис «Молода Бельгія», де постійно друкували твори французьких символістів С.Малларме, А. де Реньє.

Значно збагатили течію європейського символізму представники «Молодої Німеччини»: Георгіє, А.Момберт, Р.Демель, Й.Шлафф.

Представниками «Молодої Англії» були Ч.Свінберн, О.Уайльд, А.Саймонс.

У «Молодій Італії» найвідомішим було ім'я Габріелле Д'Аннунціо.